

Николай
Гарин-Михайловский

—

**Корейские
народные
сказки**

Москва
2024

УДК 398.21(=531)
ББК 82.3(5Кор)-6
Г20

Составление и пересказ *Николая Гарина-Михайловского*
Художественное оформление серии *Степана Костецкого*

В оформлении переплета использована иллюстрация:
racoillust / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гарин-Михайловский, Николай Георгиевич.

Г20 Корейские народные сказки / составление и пересказ Николая Гарина-Михайловского. — Москва : Эксмо, 2024. — 224 с.

ISBN 978-5-04-196353-8

В 1898 году русский инженер Николай Гарин-Михайловский отправился в Порт-Артур. По пути он посетил Корею и Маньчжурию. Именно там он собрал эти сказки — сокровищницу корейского фольклора, дошедшую до наших дней.

Сказки познакомят вас с царем зверей, мудрым тигром, с хитрыми монахами и смекалистыми героями, которые всегда выйдут сухими из воды. Уникальный сборник познакомит нас с культурой Древнего Востока, его верованиями, обрядами и обычаями.

УДК 398.21(=531)
ББК 82.3(5Кор)-6

© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-196353-8 ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1898 году, с сентября по октябрь, я проехал из Владивостока в Порт-Артур, большей частью верхом, частью в лодке по Ялу (Амнокаган¹). Ехал не прямо, а с заездами — то в Корею, то в Маньчжурию. Во время этого путешествия я и собрал эти сказки.

Двадцать-тридцать корейцев в своих дамских белых кофточках, в дамских шляпах с широкими полями окружали нас, присаживаясь на корточках, и лучший сказочник рассказывал, а остальные курили свои тонкие трубочки и внимательно слушали.

Мой переводчик господин Ким, сам кореец, прекрасно владеющий и корейским, и русским языком, учитель по специальности, переводил; я быстро, фраза за фразой, записывал, стараясь сохранить простоту речи, никогда не прибавляя ничего

¹ Ялуцзян, или Амнокаган — река на востоке Евразии, определяющая юго-западную часть границы между Китаем и КНДР.

своего. За это я ручаюсь и не сомневаюсь, что будущие исследователи подтвердят истину моих слов.

Я слушал эти сказки то вечером, после гостеприимного ужина, то во время отдыха на перекладах, откуда открывалась нам далекая панорама долин и гор в осеннем нежном, как старые персидские ковры, узоре. Целые снопы фиолетовых и оранжевых лучей заходящего во всем своем величии желтого солнца заливали эту даль, и она сверкала, вспыхивала в последний раз и уже исчезала, как видение, в просвете быстро наступавших сумерек. И все кругом — и эта даль, и эти люди, и их жизнь — казались тоже сказкой.

Одну тетрадь со сказками я потерял, к сожалению. Теперь, когда я опять еду туда, на далекий Восток, мне, может быть, удастся возместить эту потерю. А может быть, я не найду уж той прежней сказочной Кореи, тех библейских патриархальных фигур: чистых доверчивых детей; наивных, благородных и в то же время пятитысячелетних старцев, изведавших и познавших и душу человеческую, и тщету всего земного, которым ничего, кроме их сказок и гор, не надо.

Юмор, добродушие, всепонимание и всепрощение, поразительное благородство. Так они живут, так умирают.

Я стою над умирающим корейцем, впервые увидевшим нас, белокожих. В его доме на нас напали хунхузы¹, и одна из пуль смертельно ранила

¹ Хунхузы (hónghúzi — краснобородый) — члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии).

его. Темное красивое, иконописное лицо; чудные большие глаза; черная борода, делающая его похожим на индуса. Спокойствие, величие простоты...

— Я исполнил только свой долг гостеприимства. Но уходите скорее отсюда. Оставьте нас. Нет, не надо золота, потому что оно привлечет опять злых людей и погубит нас.

Корейцев называют трусами. За белые костюмы, за робость — русские называют корейцев белыми лебедями. Да, как лебеди, корейцы не могут драться, проливать человеческую кровь; как лебеди, они могут только петь свои песни и сказки.

Отнять у них все, самую жизнь — так же легко, как у детей, у лебедей: хорошее ружье, верный глаз.

Ах, какие это чудные, не вышедшие еще из своего сказочного периода дети!

ЗАЯЦ

Заболел морской царь, и доктор-рыба доложил ему, что только печенка зайца может спасти его от смерти.

Тогда послали кету поймать зайца. Кета поплыла, но у берега попалась на удочку. Послали сома, но и сом попался. Тогда послали ужа. Но уж, когда выполз на берег, попал под колеса телеги и был раздавлен. Тогда послали черепаху.

Черепаха разыскала царя зверей, тигра, и говорит:

— Ты царь, и у нас есть царь. Наш царь умирает, и доктор сказал ему, что если он не съест заячьей печенки, то жить он не будет.

Тигр выслушал и приказал привести к нему зайца.

— Иди, — сказал он, — за этой черепахой: тебя зовет морской царь.

Идет заяц с черепахой и выпытывает, что нужно от него морскому царю. Рассказала ему черепаха, в чем дело.

— Но если у меня вынут печенку, так ведь я уже жить не буду?

— Этого я не знаю, — сказала черепаха.

— Ну, так вот что — у меня есть один хромой родственник. Он давно жалуется, что ему от хромой ноги жизнь не в радость. А царю вашему ведь все равно, чью печенку ни есть, лишь бы только заячья была. Так ты подожди меня, я только вот в этот лес сбегая и живо приведу тебе хромого зайца.

— А мне все равно, — сказала черепаха и выпустила зайца. Заяц шмыгнул в лес, и только его и видели. Ждала-ждала черепаха и поползла к своему царю.

Узнал царь, в чем дело, и велел ей опять ползти к царю зверей. Рассказала черепаха царю зверей, как ушел от нее заяц.

— Ну, иди домой, — сказал ей царь, — от тебя он опять убежит, я пошлю его с более надежным.

Услыхал заяц, что его опять ищут, и говорит:

— Ну, теперь, когда мне все равно умирать, приду добровольно.

Видит он, ползет по дороге черепаха.

— Ты куда ползешь? — спрашивает ее заяц.

— Да вот к вашему царю иду сказать, чтобы он больше не беспокоился, так как наш царь уже умер.

Тогда заяц забежал вперед черепахи и, присев перед своим царем на корточки, сказал:

— Слыхал я, великий царь, что ты требуешь меня, — вот я.

— А где ты был до сих пор?

— Я бегал на китайскую сторону к брату своему в семнадцатом колене.

— А почему ты ушел тогда от черепахи?

— Я не ушел, а только отпросился согласно разрешению выставить за себя хромого. Вот к этому хромому брату я и бегал.

— Ну?

— Да не пошел, говорит, не хочу еще умирать.

— А не хочет, так иди ты.

В это время приползла черепаха с известием, что их царь уже умер.

— Ну, умер, так умер, — сказал тигр и отпустил зайца с наградой.

ТРИ БРАТА

Жили три брата на свете, и захотели они нарыть женьшеню, чтобы стать богатыми. Счастье улыбнулось им, и вырыли они корень ценой в сто тысяч кеш. Тогда два брата сказали: «Убьем нашего третьего брата и возьмем его долю». Так и сделали они. А потом каждый из них, оставшихся в живых, стал думать, как бы ему убить своего другого брата. Вот подошли они к селу. «Пойди, — сказал один брат другому, — купи сули (водки) в селе, а я подожду тебя». А когда брат пошел в село, купил сули и шел с ней к ожидавшему его брату, тот сказал: «Если я теперь убью своего брата, мне останется и вся суля и весь корень». Он так и сделал: брата застрелил, а сулю выпил. Но суля была отравлена, потому что ею хотел убитый отравить брата. И все трое они умерли, а дорогой корень женьшень сгнил. С тех пор корейцы не ищут больше ни корня, ни денег, а ищут побольше братьев¹.

¹ Обычай побратимства широко распространен у корейцев и очень чтится.

ВОСЬМИ-НЕСЧАСТНЫЙ

У человека восемь счастья: счастливая могила предков¹, хорошая жена, долголетие, много детей, много хлеба, много денег, много братьев, образование. Но есть люди, которые не обладают ни одним из этих счастья, и тогда они называются восьми-несчастливыми — Пхар-ке-боги.

Одним из таких и был Ниноран-дуи, которого даже жена бросила.

И все ж таки случилось однажды так, что Ниноран-дуи встретил женщину по имени Дю-си, молодую, красивую, богатую, и они полюбили друг друга. Но так как несчастья восьми-несчастливых

¹ По убеждению корейцев, удачный выбор места погребения родителей или вообще предков мог обеспечить потомству богатство, почести, удачу. Хоронили непременно на скате холма или горы. Лучшим считался холм, с которого была видна самая высокая вершина в данной местности или, по крайней мере, третья по счету от выбранный холма, чтобы, как говорилось, сын мог видеть деда или, еще лучше, прадеда.

передаются и тем, кто любит их, то и для Дю-си встреча с Ниноран-дуи не прошла даром — ее торговые дела пошли плохо, ее скот падал, поля ее не приносили больше урожая.

Все это кончилось тем, что, когда однажды Дю-си проснулась, она не нашла больше подле себя своего любимого Ниноран-дуи, она нашла только письмо его. Он написал ей, что, несмотря на то, что он любил ее всеми силами своей души, он оставляет ее, так как ничего, кроме несчастья, он не может ей дать. Дю-си, прочитав письмо, горько заплакала, потому что она любила Ниноран-дуи, а не свои богатства, которые она с этого момента возненавидела. Раздав их нищим, она ушла из тех мест, где жила.

Она шла по долине, плакала и думала: «Если бы у меня было столько хлеба, чтобы накормить всех голодных, и столько денег, чтобы дать всем, кто в них нуждается, тогда не было бы больше горя на земле!»

Вдруг она увидела перед собой едущего на быке красивого сильного человека, увешанного цветами и обвитого колосьями. Он остановил быка и сказал ей:

— Полюби меня, будь моей женой.

— Я люблю уже одного восьми-несчастливого и никого, кроме него, любить не могу. Но если пожелаешь, будем братом и сестрой, — отвечала Дю-си.

Они побратались по обыкновению их страны: надрезав себе пальцы, кровью написали свои имена, каждый на поле своей одежды, затем, отрезав написанное, обменялись, и, спрятав это у себя на груди, каждый отправился своей дорогой.

Утомившись от пути, Дю-си вошла отдохнуть в хлев, прилегла там и заснула. Во сне она увидела белого, как серебро, лицом и волосами старика, который сказал ей: «Тот человек, которого ты встретила на быке и с которым побраталась, был я — дух долины. Я знаю твоё желание. Вот тебе мешочек с рисом — одного зерна довольно, чтобы самый большой котел наполнился рисом. И сколько бы ты ни брала из этого мешочка рису, он никогда не истощится!» Сказав это, старик исчез, а Дю-си проснулась. Около нее лежал маленький мешочек с рисом. Взяв мешочек, она пошла дальше.

Долина кончилась, и Дю-си стала подниматься на перевал высокой горы. Там, на вершине перевала, рос прекрасный густой лес, посередине которого стоял шалаш. Молодой красивый дровосек сидел в шалаше перед огнем очага и кипятил воду в котле.

— Что ты положишь в эту воду? — спросила Дю-си после приветствия, остановившись у входа в шалаш.

— Я ничего не могу положить в эту воду, — ответил дровосек, — потому что у меня нет ни чумизы¹, ни рису.

Тогда Дю-си вошла в шалаш, достала из мешочка одно зерно рису и бросила его в котел.

Котел сейчас же наполнился до верха рисом, и дровосек с Дю-си вполне насытились. После ужина дровосек сказал Дю-си:

— Полюби меня, и будем мужем и женой.

¹ Чумиза — черный рис, голбчатое просо.

— Я не могу полюбить тебя, — отвечала ему Дю-си, — потому что люблю своего мужа, восьми-несчастливого, но если хочешь, будь моим братом.

Дровосек согласился, и они побратались. Вскоре после этого наступила ночь, и Дю-си крепко заснула. Она увидела во сне белого, как серебро, лицом и волосами старика, который сидел верхом на громадном тигре.

— Дровосек, ужинавший с тобою в шалаше, был я — дух гор. Я знаю твоё желание: вот возьми этот кусок золота, и сколько бы ты ни отрубала от него, золото у тебя никогда не будет уменьшаться!

Старик исчез, а Дю-си проснулась. Не было больше ни дровосека, ни шалаша, а около нее лежал кусок золота.

— Теперь я знаю, что мне делать, — сказала Дю-си, вставая, — я выстрою на этом месте целый город! Ко мне будут приходить со всех сторон все голодные и все те, кому нужны деньги, и в числе их я найду и своего восьми-несчастливого.

Так и сделала Дю-си. К ней приходили все нищие, все голодные или нуждающиеся в деньгах. Как она и ожидала, однажды пришел к ней ее муж Пхар-ке-боги.

Когда увидела его Дю-си, она бросилась к нему и упрекала его, что он ее покинул. Пхар-ке-боги, узнав Дю-си, был, конечно, тоже счастлив. Дю-си взяла с него клятву в том, что он не покинет ее и не уйдет от нее больше. После этого они зажили очень счастливо, кормя и поя всех проходящих к ним нищих.